

СУБМОРФНЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ С ИМЕНЕМ СОБСТВЕННЫМ
НА ПОЛОТЧИНЕ

канд. филол. наук, доц. М.Д. ПУТРОВА
(Полоцкий государственный университет)

На основе записей подлинного говорения на территории Полотчины в статье рассмотрены субморфные объединения с именем собственным в своем составе.

Предметом настоящего исследования является относительно редко встречающееся явление в практике устного общения и еще реже письменного: субморфные объединения с именем собственным в своем составе. Неслучайно они еще не стали объектом внимания лингвистических исследований. Под субморфными объединениями понимаются образования типа – *ыто* в *шыто-крыто*, – *адзея* в *Надзея-падзея*, – *аўка* в *Слаўка – шаўка*.

Впервые о субморфных образованиях заговорил Р. Якобсон и убедительно представил их значимость для формирования системы склонения в русском языке, показав, что в данном языке сходство окончаний ограничивается либо одинаковым числом фонем, либо общностью одной из фонем (например, в любой парадигме множественного числа все окончания периферийных падежей начинаются с одного и того же гласного, а в прочих типах склонения все полифонемные окончания периферийных падежей содержат одну и ту же неслоговую фонему; все полиморфемные окончания косвенных падежей в женских типах склонения заключают –j–, а в остальных типах склонения все полиморфемные окончания Т. и Д., то есть необъемных периферийных падежей, содержат губную носовую фонему) [1, с. 195]. В дальнейшем наблюдения Р. Якобсона были дополнены убедительными данными А.А. Реформатского [2], А.А. Зализняка [3], В.В. Иванова [4], К.И. Позднякова [5]. Они показывают значимость унификаций обсуждаемого типа для конструирования и эффективного функционирования системы не только русского, но и, практически, всех попавших в поле исследования названных авторов многочисленных языков. Тем не менее, по справедливому замечанию К.И. Позднякова, неморфемные языковые знаки относятся к наименее изученным в системе любого языка и являются объектом рассмотрения только еще формирующейся области языкознания. И если некоторые из них получили хотя бы предварительное или фрагментарное описание, то унификации с именем собственным в своей структуре еще не стали объектом какого бы то ни было внимания исследователей, в том числе и тех, кто занимается исключительно антропонимикой. Сказанное объясняет новизну предлагаемого нами исследования.

Материалом для его проведения послужили записи подлинного говорения на Полотчине, главным образом, в основных городах данной территории: Полоцке и Новополоцке. Всего было зафиксировано приблизительно 80 000 слов текста, 40 000 из которых на белорусском языке и 40 000 на так называемой «простой мове».

Рассмотрим некоторые из весьма типичных случаев реализации имени собственного в составе субморфных образований, сегментированных нами из наших записей подлинного общения.

1.

А₁: Міха-ціха дзе?

Б₁: (показывает глазами)

А₂: А-а! Ну-ну. Так.

2. Казь-Казічак прыдзе. Цікава будзе. Прыходьце, праўда [Н].

Примечание: знак [Н] манифестирует придыхание.

3.

А₁: Жэнька-Няжэнька, а хтосьці быў!

Б₁: Быў, быў.

4.

А₁: А якая ж яна кабетка прыходная!

Б₁: Ага, ага!

А₂: Пухлявенькая ды вытачаная.

Б₂: Уся!

А₃: Зіна-Зіначка-Зінулька.

Б₃: Так, прыгожая! Вой! Нічога не скажаш.

А₄: Нічога не скажаш.

Б₄: Прыгожая, прыгожая!

А₅: Прыгажунька.

5.

А₁: А што яна, Каця-немаўляця, што маўчала?

Этнаграфія і фальклор

Б₁: *Вой! Дык ззубілася яна.*

А₂: *Ззубілася! Яна ж усё ведае.*

Б₂: *Ведае, ведае, ведае.*

А₃: *Дык трэ было казаць, як ведае, а то!*

6.

А₁: *Прышоў! Ен прышоў! Толькі Верка-дзверка зноў яго а ні на парог!*

Б₁: *Дык яктачкі так?!*

А₂: *А вось так!*

Б₂: *Божачка! У сваю хату?!*

А₃: *У сваю хату, цетка!*

7.

А₁: *А нада было б и пастарацца. Мо што-нібудзь и палучыў бы.*

Б₁: *ыы! Дулю-Юлю!*

А₂: *Ну-у прама!*

Б₂: *Крыва!*

А₃: *Якія-та деньгі такія-сякія ўсе б тачкі и палучыў.*

Б₃: *Цц!*

8.

А₁: *А няхай зробіць шту-небудзь, няхай! Нічога. Нічога.*

Б₁: *Вой-вой-вой!*

А₂: *Праўда, праўда. А то (повышае голас, имитируя собеседницу) Ленька-Ленячка! Гы-гы! Ленячка! Ленька – Ляняка ен, вось хто!*

Б₂: *Ен стаміўся! Сынок!*

А₃: *Не стаміўся, а заланіўся! Твой Ленька-Ленячка. Ляняка ен, кажу.*

Б₃: *Які ты! Божачка!*

А₄: *Ладна, ўсе! Хопіць! Няххай зрробиць усё! Як трэба! Ййасна?!*

Как видно из представленных примеров, субморфные унификации возможны не только с именами собственными. Образование *такія-сякія* из реплики 7А₃ и фрагмент диалогического единства из реплик 7А₂ и 7Б₂ (*Прама! Крыва!*) также представляют собой связанные или «двухстворчатые», в терминологии К. Чуковского [6, с. 106] объединения, созданные в первом случае усилиями одного говорящего (7А₃), во втором – двух (7А₂ и 7Б₂) в процессе их совместного порождения диалогического текста. Очевидным образом члены таких пар включают как различающиеся, так и одинаковые звуковые сегменты, при этом общие формальные приметы (в первом случае – *акія* и полностью совпадающие слоговая и акцентная структуры обоих компонентов; во втором – идентичная слоговая и акцентная структуры – ‘CCVC –, окончание – *a* и второй согласный корня – *p*) в сочетании с предшествующим глухим взрывным согласным звуком маркируют их как определенные спонтанно возникшие единства. Данная спонтанность вовсе не означает, что такие объединения случайны и не имеют никакого отношения к особенностям функционирования языка. Задача настоящего исследования состоит:

– в идентификации тех приемов или техник, которыми пользуются говорящие, чтобы формально эксплицировать сходство двух разных знаков, одним из которых является имя собственное;

– в установлении возможных гендерных предпочтений в использовании тех или иных техник, которые и обуславливают появление субморфных унификаций с именем собственным.

Некоторые их представленных в примерах 1 – 8 объединений с фонетической точки зрения являют собой максимальное уподобление формы одного элемента другому. Так, унификации *Міха – ціха* (1А₁), *дулю – Юлю* (7Б₁) в качестве общей составляющей имеют не только двусложные субформы (–*іха*, –*улю*), но и одинаковую структуру отличающихся сегментов (согласный звук, образующий слог с первым гласным сегментом субморфа, например, звук /j/ в слоге, обозначенном буквой «ю» слова *Юлю*). Целесообразно заметить, что и в простой мове (7), и в белорусском примере (1) это открытые слоги. Вместе с тем имеются и очевидные композиционные различия в конструкции как рассмотренных структур, так и в других, приведенных в примерах 1 – 8. В объединении *Міха – ціха*, равно как и *Каця – немаўляця*, *Верка – дзверка* имя собственное является первой, инициальной составляющей, а в объединении *дулю – Юлю* – замыкающей. В унификациях *Зіна – Зіначка – Зінулька* (4А₃), *Ленька – Ленячка*, *Ленька – Ляняка* (8А₂), *Казь – Казічак* (2) все составляющие представляют собой имена собственные.

Роль фонетического аспекта в таких унификациях наиболее очевидна в зафиксированных нами объединениях *Слаўка – шаўка* или *Слаўка – лаўка* или подобных ему: *Пашка – гуляшка* (мальчик), *Жэнька – жменька* (мальчик). Во всех данных объединениях в угоду фонетической идентичности пожертвован даже признак рода, в результате чего объединенными оказались слова женского рода *шаўка*, *лаўка*, *гуляшка*, *жменька* и мужские имена личные *Слаўка*, *Пашка*, *Жэнька* (мальчик). Вместе с тем, *Пашка – гуляшка* представляет собой с фонетической точки зрения менее унифицированное объединение, чем *Жэнька – жменька* или *Слаўка – лаўка*, и еще менее, чем

Этнаграфія і фальклор

Жэнька –менька (девочка), несмотря на аднотыпны агульны кампанент: двухсложны морф – *ашка* (в сопоставляемых примерах: *–энька, –аўка*). Дело в том, что слоговое строение присоединяемого замыкающего слова в образовании *Пашка – гуляшка* более сложно по своей композиционной структуре, так как включает 3 слога. Тем не менее, если убрать слог *гу-*, то оставшаяся часть фонетически не отличается от слова, «комментирующего» имя в объединении *Жэнька –менька*. То есть внутренняя структура слогов как присоединяемого слова, так и первого, инициативного, если исключить добавочный/ые, лишней (или лишние) слоги из присоединяемого к имени слова, в таких разновидностях унификаций идентична. По сути, *Каця-немаўляця, Пашка-гуляшка* являются одним из вариантов такого объединения, *Жэнька –менька* – другой. *Каця –немаўляця* (5A₁) и *Жэнька – Няжэнька* являются реализациями одной парадигмы образования объединений с именем собственным, основанной на принципе простого увеличения слогов в прибавляемом слове. Последним может быть даже другой вариант названного в первой части имени: *Казь – Казічак* (2). При этом, как видно из представленных примеров, дополнительные слоги могут манифестироваться как в пред-, так и в постпозиции: *Жэнька – Няжэнька, Казь – Казічак*. По нашим данным, последний вариант образования унификаций с именем собственным более употребителен в говорении русских коммуникантов: *Валь – Валушка, Вер – Веруша, Коль – Коленька, Борь – Борисишка* и т.п.

Помимо представленных, возможен также еще один вариант реализации объединений с привносимым, дополнительным элементом, когда последний расщепляет субморф, внедряясь в его структуру: *Ленька – Ленячка, Ленька – Ляняка* (8A₂), *Верка – Верачка, Тонька – Тонячка, Шурка – Шурчка, Жэнька – Жэнячка*. Такое расщепление, как видно из представленных примеров, сопряжено с изменением качества первого слога. В комментирующем слове он, как правило, открытый, а в базовом, начальном слове – закрытый. В говорении белорусов, включая и тех, кто изъясняется на простой мове, данный вариант более употребителен, чем тот, в котором первый конститuent унификации представляет собой односложное (сокращенное) имя, а второй – то же имя плюс один, два и более добавочных слогов (*Казь – Казічак*).

Помимо представленных количественных изменений в слоговой структуре комментирующих слов за счет увеличения числа слогов в них возможны и другие модификации. Значительное количество унификаций с именем собственным образовано за счет вариаций внутреннего состава слогов в комментирующем слове без изменения общего количества слогов в нем: *Верка – дзверка, Надзька –шмадзька, Шурка – жмурка* и т.п. Объединения данной разновидности регистрируются во всех рассматриваемых выборках, составляя заметное количество в каждой из них. Сравнение отличающихся слогов в таких образованиях показывает, что данное отличие манифестируется прежде всего за счет изменений во внутренней структуре отличающегося слога. Модель CVC превращается в CCVC.

Кроме перечисленных, нами зарегистрированы весьма редкие случаи трехчленных унификаций с именем собственным: *Зіна – Зіначка – Зінулька* (4A₃), *Віцька – Віцятка – Віц’ятка*. Количество реализаций подобных объединений имеет ярко выраженную культурную специфику: минимально в говорении белорусов и значительно более частотно в вербальном поведении русских, американцев и англичан. Структура таких унификаций также культурно специфична. В белорусском говорении нами зафиксированы только расширяющиеся по количеству слогов составляющие после первого компонента структуры. Третий компонент, однако, обнаруживает увеличения слогов только по сравнению с первым слогом. Кроме того, в нем, как правило, меняется структура акцентной выделенности. Так, *Ленька – Ленячка – Лян’яка* в последнем своем элементе имеет ударение на втором слоге, в то время как во втором – на первом. Четырех и более членных образований с именем собственным в нашем материале в говорении белорусов не зафиксировано.

Суммируя представленные данные, можно сказать, что фонетическое уподобление инициативных и последующих слов в составе субморфных унификаций с именем собственным достигаются с помощью весьма небольшого количества технических приемов, а именно:

- повторение слоговой структуры инициативного слова с полным или частичным сохранением фонетического облика одного или нескольких его слогов;
- разной локализации имени собственного в пределах субморфных унификаций;
- изменения слоговой структуры последнего, «комментирующего» слова, как правило, не имени собственного, в результате чего данное слово приобретает дополнительный слог (чаще) или даже несколько слогов (намного реже);
- изменения внутренней структуры одного из слогов последующего слова;
- конструирования трехчленных образований.

Общие количественные показатели встречаемости субморфных унификаций с именем собственным в нашем материале гендерно мало дистинктивны. Всего на 5 – 6 % в среднем женщины употребляют их чаще, чем мужчины. Кроме того, среди женщин зафиксировано больше говорящих, в вербальном поведении которых были обнаружены обсуждаемые унификации.

Конкретизация количественных показателей с учетом техник фонетического объединения двух и более составляющих в определенное единство дала возможность получить данные, позволяющие убедиться, что культурная и гендерная идентичность говорящего субъекта вовсе не безразличный фактор в выборе средств субморфного объединения. Так, изменение последовательности расположения имени собственного в составе унификаций (помещение имени в завершающей позиции) больше свойственна женщинам (до 70 % таких реализаций). В белорус-

Этнаграфія і фальклор

ской же культуре фактор последовательности мало значим (57,5 % реализаций в женском говорении). А вот изменения общей слоговой структуры последующего слова за счет свободного прибавления одного и более слогов в его состав значительно чаще наблюдается у коммуникантов-мужчин: до 60 % в белорусской культуре в случае прибавления одного слога и 80 %, если прибавляется более чем один слог.

Многокомпонентные образования (3 и более слов) чаще встречаются в говорении женщин. В белорусской культуре такие образования в говорении мужчин зарегистрированы нами только в выборках, полученных на основе наблюдений. В основном материале их нет.

Правомерно предположить, что любые нарушения языковых норм в угоду фонетичности субморфных образований больше свойственны мужскому говорению. Так, в примере *Слаўка – лаўка* пренебрегается правило манифестации грамматического рода. В нашей подборке данных таких явных нарушений фиксируется немного, всего 5. Показательно, однако, что 4 из них встречаются в говорении мужчин.

Помимо фонетических рассматриваемые образования, безусловно, имеют и ряд других языковых характеристик. Так, они могут быть образованы на основе полной, обиходно-бытовой, уменьшительной или, наоборот, уничижительной, сниженной формы имени собственного, что, как оказалось, также может соотноситься с гендерной идентичностью употребивших их коммуникантов. В полном соответствии с данными о значительно большей вероятности появления диминутивных форм в говорении женщин, особенно редких, в нашем материале унификации с уменьшительными именами собственными преобладают в вербальном поведении женщин.

Примечательно также, что значительная часть диминутивных имен в составе субморфных образований в мужском употреблении является не инициативными, а ответными или продолжающими диминутивную линию, инициированную другим собеседником, как правило, женщиной. Примером такого подхватывания диминутивного «регистра» может служить унификация с именем *Ленька – Ляняка* в реплике А₂ фрагмента 8. *Ленька – Ляняка* в говорении коммуниканта А является цитатой из предыдущего вербального поведения собеседницы. Кроме того, мужские подхватывания и продолжения и, особенно, инициативные объединения с уменьшительным именем в значительном количестве случаев оказываются вовсе не ласкательными, каковыми, главным образом, они являются в женских манифестациях, а проявляют созначения сниженности, пренебрежения, иронии. Именно такой вариант наблюдается в приводимом примере (*Ленька – Ляняка*). Лучше всего данная закономерность прослеживается в выборке данных, извлеченных из записей общения в русской культуре. Так в нашем материале почти 40 % всех унификаций с именем собственным в уменьшительной форме в говорении мужчин употребляется с созначениями иронии, пренебрежения, насмешки или сниженности, грубоватости. То есть помимо значительно меньшего количества употребления диминутивных имен в инициативных субморфных образованиях, мужское говорение обнаруживает определенное переосмысление диминутивных форм. Женщины также могут употреблять диминутивные имена в таком плане, однако делают они это значительно реже (12,5 %), что прослеживается даже в белорусской культуре, где обсуждаемый контраст манифестируется в меньшей степени, чем в русской (20 %). Как видим, казалось бы, мало отличающиеся общие количественные данные манифестации изучаемых единиц в говорении представителей разных групп скрывают значительные гендерные предпочтения, если их рассматривать с учетом менее обобщающих, частных, маргинальных особенностей.

Не менее красноречивые данные обнаруживаются, если рассматривать субморфные унификации с именем собственным с учетом содержательного аспекта, то есть семантики слов, формально уподобляемых с именем собственным. По нашим данным, такое уподобление может быть чисто формальным, то есть опираться только на фонетическое созвучие составляющих ту или иную унификацию слов, например: *Гаячка – паячка, Светка – табуретка*.

Сказанное, видимо, справедливо и в отношении ряда унификаций, в которых комментирующие или добавляемые слова сами по себе, в изолированном состоянии, имеют значения, но включены в унификации не благодаря этим значениям, а ввиду чисто фонетического сходства со словом-основой: *Васілецак – кісялецак*. Мы полагаем, что разновидностью таких унификаций правомерно считать и объединения из нескольких имен, основанные только на их созвучии: *Гаячка – Валячка, Ваня – Дана*. Вместе с тем в говорении представителей обеих сопоставляемых культур регистрируются объединения, нацеленные на манифестацию определенного смысла, создаваемого с помощью присоединения комментирующего слова: *Валера – халера, Верка – дзверка*. По нашим данным, как чисто формальные, так и основанные на семантике присоединяемых слов объединения присутствуют в говорении всех гендерных групп, однако в совершенно разных пропорциях. Логичность или семантизация двухстворчатых объединений с именем собственным чаще свойственны мужчинам (чуть более 65 % всех зарегистрированных в нашем материале случаев такого употребления). Женщины же, напротив, более охотно прибегают к чисто формальным, то есть учитывающим только фонетическую форму слов объединениям (до 70 % случаев в нашем материале). В качестве примеров подобного употребления, помимо указанных, можно привести следующие: *Светка – сетка* (ловит кавалеров), *Клаўка – удаўка* (погубит жизнь), *Мікола – прыкола* (часто говорит смешное), *Міхаська – дыбаська, Міхайла – дыбайла* (особая походка).

Мужскими унификациями в данном перечне являются первые две и последняя. Они представляются типичными несколько сниженными номинациями субъекта в мужском говорении (см. также реплику Б₂ приведенного ранее фрагмента 4 и А₄ фрагмента 2). Женские унификации (*Мікола –*, *Міхаська –*) чаще описывают сущность именованного субъекта через обозначение его эмоционального состояния, характерных черт поведения и особенно говорения.

Этнаграфія і фальклор

Особую группу составляют унификации, состоящие из разных вариантов одного и того же имени: *Нінка – Нінулька, Толь – Толічак*. Такие унификации, а также те из них, которые состоят из двух разных, но фонетически сходных имен (*Жора – Лора*), являются весьма характерной чертой женского говорения. Так, до 80 % подобных объединений на основе имени собственного зарегистрировано нами в вербальном поведении женщин, где они приобретают самые разные значения: теплоты, ласкательности, более близкой дистанции в отношениях и только иногда иронии, насмешливости, пренебрежения. В говорении мужчин они чаще всего используются для передачи иронических значений. Кроме того, как правило, мужские унификации данной разновидности не инициативны, а «заимствуются» у реализовавших их ранее собеседниц или соответствуют духу их высказывания.

Обобщая полученные данные правомерно сделать вывод о том, что субморфные унификации с именем собственным являются малочастотными образованиями в сопоставляемых вариантах говорения и по общим количественным показателям своего употребления гендерно мало дистинктивны. Дифференциация унификаций с учетом их фонетических, лексических и семантических особенностей позволила получить данные о гендерной предпочтительности многих из них.

Разновидностей или техник унификаций, соотносящихся с каким-то одним гендером или только с одним языковым кодом (беларуская мова или простая мова), не обнаружено. Значимыми оказались только показатели количества для идентификации гендера. Имя собственное с их помощью оказывается вовлеченным в конструирование гендерной идентичности говорящего субъекта и в составе субморфных унификаций.

Представленные данные, безусловно, требуют уточнения на основе более обширных специальных исследований особенностей конструирования и употребления субморфных унификаций с именем собственным, как простых, то есть двусоставных, так и более сложных, имеющих в своей структуре 3 компонента. Вместе с тем, наши выводы, сделанные на основе изучения унификаций, встретившихся в записях подлинного общения в целях выявления характеристик гендерной специфики говорения, могут быть весьма полезны для дальнейших углубленных работ, ибо они отмечают частотность таких образований в аутентичных текстах, устанавливают целый ряд способов их конструирования, описывают вариативность их реализации в зависимости от гендерной и культурной идентичности говорящего субъекта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Якобсон, Р.О. Морфологические наблюдения над славянским склонением / Р.О. Якобсон. Избранные работы. – М.: Прогресс, 1985. – 456 с.
2. Реформатский, А.А. Местоимения / А.А. Реформатский // Очерки по фонологии, морфонологии и морфологии. – М., 1979. – 210 с.
3. Зализняк, А.А. «Русское именное словоизменение» с приложением избранных работ по современному русскому языку к общему языкознанию / А.А. Зализняк. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 752 с.
4. Иванов, В.В. Лингвистика третьего тысячелетия: Вопросы к будущему / В.В. Иванов. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 208 с.
5. Поздняков, К.И. О природе и функциях внеморфемных знаков / К.И. Поздняков // Вопросы языкознания. – 2009. – № 6. – С. 35 – 64.
6. Чуковский, К.И. От двух до пяти / К.И. Чуковский // Собр.соч. в 15 т. – Т. 2. – М.: Терра-Книжный клуб, 2001. – 640 с.

АНТРАПАЦЭНТРЫЗМ ЯК ВЫЗНАЧАЛЬНЫ ПРЫНЦЫП МАДЭЛЯВАННЯ СВЕТУ
Ў ЗАМОВАХ БЕЛАРУСКАГА ПАДЗВІННЯ

Т.Д. РАБЕЦ

(Інстытут мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору ім. К. Крапівы НАН Беларусі, Мінск)

Прааналізавана спецыфіка адлюстравання міфапаэтычнай карціны свету ў замовах беларусаў Падзвіння. Прыводзяцца факты, якія пацвярджаюць, што антрапацэнтрызм з'яўляецца галоўным прынцыпам стварэння ў замовах гарызантальнай прасторавай мадэлі свету.

Глыбокае асэнсаванне асноўных кодаў фальклору, адэкватная семантычная інтэрпрэтацыя архаічных вобразаў не магчыма без даследавання пазнавальнай стратэгіі і светапоглядных арыентацый нашых продкаў, якія аб'ектывіраваліся ў агульнафальклорнай карціне свету. Агульнафальклорную карціну свету дастаткова складана апісаць, бо практычна ў кожным фальклорным жанры малюецца свая карціна свету. Народная карціна свету, спраецыраваная на пэўны жанр, можа быць вызначана як «скарочанае і спрошчанае адлюстраванне ўсёй сумы ўяўленняў аб свеце у дадзенай традыцыі, узятых у іх сістэмным і аперацыйным аспектах» [9, с. 5]. Пры гэтым свет разумеецца як чалавек і асяроддзе ў іх узаемадзеянні, або як вынік перапрацоўкі інфармацыі пра ася-